

Прощай,

~~Похерония!~~

Павел Отставнов



Павел Отставнов

Прощай, Похерония!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Отставнов П. Н.

Прощай, Похерония! / П. Н. Отставнов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"А что это за «Похерония» такая?" - спросите вы. А я для начала напомним вам старый анекдот: «Чем отличаются комсомолы тридцатых годов, от комсомольцев семидесятых? Тем, что первым было всё по плечу, а нам всё по хер!» И понеслось в соответствии с "Аморальным Кодексом строителя похеризма"...Родной УПИИнститут - в "альму, вашу, матер"... Святые мученики Учителя - в «преподДаватели», «АСПИДанты», «доИпослеЦенты», «кандиДАТЫЕ»... И мы, вечные похеронцы: «Свобода – это осознанная необходимость выпить и встретиться с девушкой!» Ух, весело-легко пожили!!! И так до смерти в Похеронии? Вот-вот: "Априори - не ори!"

Содержание

Обращение к Читателю!	5
Часть первая.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Обращение к Читателю!

Дорогой Читатель! Тот, кто родился сразу трезвым, умным, грамотным, культурным, в белой рубашке и дипломом в кармане красивого и тщательно отглаженного костюма. Тот, кто не совершил ни одной ошибки и глупости. Зачем Вам эта книга? Не читайте!

А тем, кто жил и живет этой нашей смешной и счастливо-несчастной жизнью, кто совершал глупости, но не вершил зло, я и предлагаю эту книгу...

Ваш Автор.

Моим родным, друзьям и УПИ ИСТИННОМУ посвящаю...

Два слова в начале...

Незаметно сзади подкрались юбилеи. Двадцать пять лет после школы и двадцать после института. Вот так! А мы раньше думали, что столько вообще не живут. Дожили! Расчувствовался я и засел за архив тех лет: фотографии, наметки рассказов, письма... И попало мне в руки почти истлевшее письмо институтского друга Беса. Привожу его практически слово в слово:

«Паха! С подмосковным приветом твои друзья Бес и Староста (жены не в счет)! Ты же сам знаешь, какие мы свиньи, так что нечего на нас обижаться за долгое молчание. Всё это мелочи нашей собачьей жизни! Самое главное – мы знаем твой адрес и в любой момент можем послать тебе весточку. И мы тебя посылаем... Извини! И мы ТЕБЕ её посылаем!

У нас всё отлично! Устроились отлично: в отличном городе, с отличными семьями, в отличной общаге, в отличных комнатах! Работаем: на поганом заводе, в поганных условиях, с пьяными рабочими, за поганый заработок! Радость у нас одна – это попойки каждую субботу и воскресенье! Жены негодуют, но у нас с ними разговор короткий: по морде, под ж... и всё! Староста оброс бородой и стал похож на Карла Маркса. Я подстриг волосы и маюсь с похмелья каждый понедельник. Жены создали коалицию против нас и ведут ожесточенную борьбу с веселыми и разгулявшимися мужьями. Намедни, сорвали, наметившийся уже было праздник. Моя непутевая жена вырвала из слабых, после долгого употребления, рук четыре рубля и скрылась в тумане. Это повлекло за собой безобразное и тошнотворное настроение, упадок сил, спазмы и головокружение у меня и Старосты. Но, несмотря, ни на что, вчера отметили очередной день рождения на этаже. Староста вырубился в 20.00, я в 21.00. Вот так примерно и протекает наша веселая жизнь!

Ты бы поменьше валял дурака, прихватил с собой алкоголиков Загула и Миху, и приехали бы к нам побухать на пару недель. Место для сна всегда найдется. Да и не всё ли равно где и как спать в ополоумелом состоянии! Вспомним счастливые студенческие годы, ходим по бабам! Ну, как? Впрочем, можно и не спрашивать, я знаю, ты всегда согласен!

В общем, ждем приезда и крепко целуем тебя в ж...!! Твои друзья Б. и С.!!! 9.02.1981.»

Прочитал я письмецо, и как жаром обдало! Как давно это было, а вспомнилось все! Социализм, Институт и мы, веселые студенты. Хоть и молодые мы были (в сегодняшние сорок лет, то время мне кажется детством), но уже были законченными «строителями коммунизма».

«Строитель коммунизма» – это человек, который думает одно, говорит второе, а делает третье! В думах мы были чисты, в пьяных делах порой доходили до свиноподобия, а говорили...

О, слова то нас научили говорить красивые: «О подвиге дедов и отцов! Об активной жизненной позиции! О комсомоле – смене партии...»

Но дедов наших убили войны или "чистки". Отцы, люди честные, не хотели воровать, врать и тихо спивались после работы. За активную позицию по отношению к окружающему бардаку выгоняли из института в армию. А в качестве смены партия себе подбирала беспринципных карьеристов. На духовные поиски и метания все компетентные органы смотрели косо. Кругом расцветала «показуха»... Что ж оставалось то?

Учеба!!! Это, кроме шуток, было, действительно, завоевание социализма. Ты поступи в институт, а уж потом, если не «залетишь» в какую-нибудь «историю», тебя обучат, и работой обеспечат!

Но мы были юны, и нас интересовало совсем другое! А что же нас интересовало? Давайте вспомним. И начнем с народной пословицы:

*«Есть три брата родные:
один ест – не наестся,
другой пьёт – не напьётся,
третий гуляет – не нагуляется!»*

Думаете это: огонь, земля, вода? Нет, это студенты! Вот о них и будет разговор. Сразу предупреждаю любителей матершинки. Мата в этой книге нет. Мы и тогда такими словами не баловались, а сейчас – тем более. Наш родной язык настолько богат, что можно любому слову найти замену. Так же не ищите в книге двусмысленностей. Как говорила одна моя знакомая:

– У вас тогда была одна извилина. И та – прямая!

Ну, хватит болтать. Вы со мной? Тогда, вперед, в Похеронию!

Часть первая. «Страна Похерония».

"А что это за «Похерония» такая?" – спросите вы. А я для начала напомним вам старый анекдот: «Чем отличаются комсомольцы тридцатых годов, от комсомольцев семидесятых? Тем, что первым было всё по плечу, а нам всё по хер!!!»

Вот как раз в те времена, когда появился этот анекдот, собрались мы, новоиспеченные студенты, на свой первый съезд (непосвященные называли это мероприятие пьянкой). Собрались и сказали:

– Просто пить не интересно! Давайте придумаем закрытую для других страну! Со своим названием, гимном, с "Аморальным Кодексом строителя похеризма"...

Вариантов гимна пели много: и «Шумел камыш...»; и «битловскую» «All You Need Is Love»... В качестве девиза урезали высказывание Будды: «Всё для всего всегда!» И остался клич: «Всегда!!!» (Кроме этого был популярен лозунг «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!» Уж очень мы любили соединяться!)

Затем стали придумывать «Аморальный Кодекс», но, посмотрев на бутылки, закончили:

– Вот ещё! Тратить святое время на глупости? Пошло оно всё на хер!!!

Вот так и прижилось название нашей закрытой страны – Похерония! Страны без царя в головах и в столице!

Но, по большому счету, Похерония – это не место и время. Это состояние души задержанной указаниями Сверху: «Делай так! Люби это! Говори это!» Причем указания сверху шли не от Бога, а от местных, земных руководителей. В жизни всё было не так, но попробуй и скажи об этом и не послушайся указаний... Пей, гуляй, веселись, работай и не думай! Всё уже за тебя обдумали! И мы, выпускники школ, уже вполне были подготовлены к вступлению в Похеронию: октябрятским, пионерским и комсомольским школьным прошлым; настоящим нашей страны, устроительницы счастья для всего человечества.

Действительно, хрена ли думать? «Ноги в руки» и в Институт, в студенческую Похеронию!

Абитура, или как я поступил в Институт.

Можно лить слезы и писать (ударение правильно поставьте!) ими о том времени, когда мы пришли поступать в Институт. Эх, абитура – золотое время!

Помню, как подавал заявление. В нем попросили указать, почему я поступаю именно в этот «Храм Науки» и на эту специальность. Ха, думали, что я всё как есть выложу? Что в армию не хочу идти... Что друг сюда подался... А мне абсолютно «по фиг» куда поступать... Нет, написал как законченный строитель коммунизма:

О том, что родился с мечтой стать полезным своей стране!

О том, что дым завода «мне сладок и приятен»!

Написал и о том, что как Ломоносов мечтаю пройти в лаптях «через тернии к звездам»!

Хорошо написал, правильно. И заявление приняли.

Затем была встреча с деканом факультета. Он осмотрел нас внимательно. Очевидно, хотел всех как живых запомнить. Всех тех, кого выгонит в армию! Затем веско сказал:

– Студентов по осени считают. Готовьтесь к экзаменам!

И начались подготовительные курсы...

Уже на курсах нас начали разделять на абитуриентов и «вытуриентов» (от слова «вытурить», выгнать то есть). Дело в том, что некоторые слишком рано вкусили студенческую свободу. Они не плелись уныло на занятия, а весело устремлялись совсем в другое место...

Я помню, как на крыльце общаги появлялся Витёк, по кличке Гастроль. Это была первая встреча с этим легендарным человеком. Он как раз восстанавливался в институте после халявной «академки». Затем на крыльцо выпархивали абитуриенты. Витёк, как Ленин, простирали руку вдаль и возвещал:

– Дранг нах УКМ!

И вся компания удалялась. А я восхищался: «Какие люди! Я еще не завтракал, а они уже в библиотеку идут!» Но, увы. «УКМ» – это оказалась не библиотека, а ближайший винный магазин. И располагался он на углу улиц «Комсомольская» и «Малышева». И спешили туда парни не за книжками, а за спиртным! Но что позволено студенту, то не позволено абитуриенту. Группу быстро разоблачили и... Правильно, вытурили! Ну, а когда начались экзамены «вытуриенты» посыпались из института, как стреляные гильзы из автомата. Кстати, как стреляет автомат, они очень скоро узнали. В армии!

А те, кто не «вылетел», усердно «зубрили» предметы и тряслись перед каждым экзаменом. Трясся и я. Уж очень не хотелось в армию! Но бог миловал, и я и мои будущие институтские друзья поступили.

Нас опять собрал декан. Опять оглядел внимательно и сказал:

– Студентов осенью посчитаем, после сельхозработ!

И отправил нас в «колхоз».

Былина о «колхозе»!

«Ой, да ты под гея «не коси», добрый молодец!

Лучше погляди на красну девушку...»

Ой, да что-то не то у меня получается! Разрешите вы мне в прежнем стиле писать. Разрешаете? Спасибо, пишу!

Студентов, начиная с первого курса, регулярно отправляли в «колхоз». Это означало «стирать различия между городом и деревней». Я до сих пор понять не могу, почему колхозников зимой не отправляли в город? Тоже «стирать различия», но со своей стороны? Хрен там! Труженики села только руководили нами «не щадя живота» чужого!

Помню, что в первый день первого приезда, мы все были ошарашены! Не ожидали такой разрухи!!! Наш доцент, куратор от института, отвел председателя колхоза в сторону и что-то ему взволновано говорил. Председатель же вошел в раж и закричал:

– Антураж, видите ли, им плохой! Какого вам еще «антуРожна» надо? Может быть и моя «антуРожа» не нравится? Смотрите: поле большое, на всех хватит; общежитие с печкой есть... Нет, это не туалет, а столовка. Туалет чуть дальше...

В это время подул ветер и мы по «какАфонии» догадались, где расположены местные «удобства». Действительно, дела в колхозе были «из рук вон» плохие! Но мы разобрались с местным «антуражем», и начались трудовые будни.

Детство – это замечательное время жизни! Как бы ни было трудно, шутки и смех не умолкали! Председатель же, «человек в стакане», по утрам себя «не ощущал» и его раздражал наш смех за завтраком.

– Ржут ровно кобылы на овес! – шипел он, ощущивая больную голову.

– Так вы же кроме овса ничем и не кормите! – бросил упрек наш доцент.

И попал!!! А председатель сдержал слово. Видимо, это слово было очень плохое! Но, после долгой паузы, он всё же сказал:

– Ё-ё-ё-маё... Приступайте к работе! Я пойду Нюрку-доярку поднимать. Опять на работу не вышла. Всё делает из-под палки!

И он ушел исполнять свою нелегкую работу прямо на дом к Нюрке. А мы брели на поле...

...«О, поле, русское поле! Я, как и ты, ожиданьем живу...» Когда ж хозяин, то у тебя появится? И не важно как этого хозяина будут называть: колхозник или фермер. Главное, чтобы работал он не «из-под палки»...

А мы тогда выходили на поле. Мать честная! Ни конца, ни края! Всё опускалось! Но в этот переломный момент налетал председатель. Он уже ощутил себя «в своем стакане», воодушевил на работу Нюру, и прилетел на лихом «Узике» поднимать нас в атаку.

– «Анукадевушки», и «анукапарни»! – кричал «подоенный» мужик. – А ну-ка, покажем всем кузькину мать, мать-перемать!

Председателя звали Всеволод, и он крепко взял нас в свой «Севаоборот». Это сейчас много рассуждают о теории управления коллективом, о харизме лидера... А тогда об этом и не слышали. Нутром самородки чуяли, как управлять. Вот и Сева был природным боссом. «Харизма» такая, что в дверь не входила! Но не «харизмой лица», брал в женском своем коллективе Всеволод. А, как бы помягче... Херизмой! Да! Именно ей он воодушевлял на трудовые подвиги всех своих подчиненных женского пола! Ну, а на студентов хватало и харизмы. Ей-ей, не вру. Как завернет он, что-нибудь народное, да в «три этажа», так мы три часа смеемся, и работа спорится. Да, работали мы хорошо!

Но за день уламывались так, что с поля брели, как бурлаки на Волге. Добирались до общежития, падали на тюфяки, набитые сеном. Отвешивали ленивые шутки, типа: «Лежите как собаки на сене!»; «Эх, на Сене, да в Париже, я бы и собакой согласился быть!» Но, полежав, а затем и отужинав, «чем Сева послал», мы «очухивались» и начинались вечерние забавы. «Танцы-шманцы-обжимансы»!

Спиртное в период уборки на селе запрещалось продавать. Но мы быстро установили контакт с местным населением. АбориГены и абориМаши, за определенную долю, помогали нам доставать напитки. Приняв «для настроения», мы устраивали танцы. Понятно, что были объятия, поцелуйчики и прочие невинные радости детства.

В разгар одного из танцевальных вечеров вбежал наш студент. Он включил свет и закричал:

– Наташка отбилась от рук! С трудом, но сумела с честью выйти из положения!

Мы засмеялись:

– Раз «отбилась от рук», то о чести можно забыть, а подумать о «положении»!

Но парень объяснил, что дело серьезное. Девушка отбилась от рук местных парней, которые провели с ней «баталию за талию Наталии». Все наши студенты были не робкого миллиона, посему разом вскочили и с лопатами наперевес, побежали искать обидчиков. Мы обежали два раза улицы, но никого из охальников не нашли. Со злости и с пьяных голов, мы набросились на забор правления колхоза и разнесли его, к чертям собачим...

Утром прибежал председатель, раскрыл, было, рот, но его мгновенно отвел в сторону наш доцент. Мы слышали только обрывки фраз: «Огромный материальный ущерб... Посягательство на честь и достоинство... Штакетник ноне дорог... Попытка изнасилования...» Перепирались долго, но, видимо, договорились!

С тех пор отношение местных к нам изменилось. Студенты разом перескочили от феодальной зависимости к социалистическим отношениям товарищей по труду. Прямо таки, союз серпа, «орало»-председателя и логарифмической линейки! Нормы дневной уборки картошки нам сразу установили человеческие! Разговаривать стали по-людски! Кормить стали лучше!

Господи, даже дождь вдруг перестал, и установилось «бабье лето»! Вот такой «колхоз» оставил самые светлые воспоминания.

Но почему же в Похеронии, для того чтобы тебя уважали, надо обязательно устроить бунт или, прости Господи, революцию?

ДОЛОЙ РЕВОЛЮЦИИ! ДА ЗДРАВСТВУЮТ ЭВОЛЮЦИИ!

Отработав положенное на полях Родины, мы появились в стенах Института. И началась учеба.

Это неправильно начинать рассказ о жизни в Похеронии с учебы. Признаюсь, она не была главным. Мы были молоды, и нас интересовало совсем другое! Но отдадим дань уважения этому святому занятию...

Учеба.

«Гора с горой не сходится, а студент в институт заходит... Иногда!»

Мы не все время веселились. Просто-напросто бы выперли из Института. Учились. И неплохо, надо сказать, учились! Головы то были пустые, знания влетали туда без труда. Надо было только их удержать в голове до тех пор, пока не ответишь на экзамене. Когда совсем нечего было сказать, помогали пословицы: «Не стыдно молчать, когда нечего сказать!» И: «Доброе молчанье лучше пустого бормотанья!» Преподаватели были люди с чувством юмора, и если ты хотя бы рассмешил, то могло свершиться и чудо. «Троебан», за поднятие настроения!

Давайте поговорим об этих святых людях...

Дорогие «преподы», «преподобные», «преподДаватели», «АСПИДанты», «доИпоследы», «кандиДАТЫЕ», «доки», «профи» и «академщики»! Все те, к кому мы припадали на экзаменах, как блудные сыновья и дочери. Нет ни одного из вас, кого мы бы сейчас вспоминали «теплым и мягким» словом: «Дерьмо!» Наоборот, жалко теперь этих людей, намучились они с нами. Но, как у всех людей творческих, и у вас были свои странности. Не обижайтесь, я это пишу любя!

Понятно, что каждый из вас считал, что его предмет главный. Как говорится: «Всяк «препод» своё «болото» хвалит!» Например, «препод» по черчению был яркий «преподДаватель»! Присмотрит коньячку, и рассуждает, пока мы чертим, о руководящей и направляющей роли черчения. Затем смотрит наши чертежи и придирается, «проводит свою линию»:

– Разве это прямая линия? Вот как надо линии чертить!

Изрисует весь чертеж красными кривулинами и спрашивает:

– Вы согласны с замечаниями?

Если студент соглашается, то ставит «четыре» или «пять»! А тем, кто спорил и за идеальные работы двойки ставил!

«Преподобный»-химик страдал амикошонством (чрезмерной фамильярностью).

– АЛКхимики! – обращался он к нам: АЛКализация – это вам не ваше времяпрепровождение, а подщелачивание! Люди новые элементы создают! А вы только два «элемента» способны «создавать»: «КАЛий» и «мочевину»! Вашу группу надо ДЕКАНтировать – отделить чистую среду от осадка! (Но мы, почему-то вспомнили о декане).

Химия, вообще, нас вначале обрадовала. Мы узнали, что, оказывается, спиртов в природе много! Но затем химик разочаровал, объяснив, что все спирты ядовиты! Даже этиловый! Другие спирты нам ума хватило не пробовать, но «цэ-два-аш-пять-о-аш», шалишь! Пусть другим «заливает», кто за «воротник не заливает»!

А «преподобный»-физик говаривал нам:

– У вас не ум, а вакуум! Вы еще – элементарные частицы!! А группа ваша – «черная дыра»!!!

Любой опрос он превращал в КОЛлоквизум: ставил направо и налево колы! За это мы прозвали его «КОЛориметр». А состояние студента, получившего кол «КОЛлапс».

Получившие «колы» собирались в одной комнате зализывать за пивом раны и называли это «КОЛонией». Вначале хвастались своими «КОЛлекциями» оценок, но, напившись, они ужасно ругались:

– Эбонит, твою... ГАДолиний!

У математика, вконец уставшего от нашей дремучести, как-то вырвалось:

– КонкретиНзирую. Объясняю для кретинов!

А в обыденной практике он называл нас «приближенные к человеку значения».

Этот «препод» был большой моралист, и пытался скрыть свои тайные вздыхания по одной из девушек нашей группы. Но, когда она вдруг «попала в положение» при соучастии самого главного хулигана на курсе, математик не сдержался.

– Это каноническое разложение натурального числа. Моральное, я бы добавил! – неожиданно возвестил он на лекции.

– В результате сложения с отрицательным числом, – продолжил он, показывая на Серегу-хулигана. – У положительного числа появились признаки деления на два! А может быть на три и более!!! Это ли не доказательство неравенства этих чисел! Доказательство от противного!

– От очень противного!!! – закончил «препод», с ненавистью глядя на Серегу.

А «препода» по политическим наукам звали Цитадель. Она полностью закрылась цитатами классиков марксизма-ленинизма. Чего и нам желала, но без результата! Первоисточники мы не читали, но она на лекциях вбивала в наши головы основы.

Основы мы запомнили: «материализм» – это хорошее слово; «идеализм» – это плохое слово! Но остальное перепуталось в голове и перемешалось с нашими мыслишками...

Основной вопрос философии мы определили как: «Отношение сознания к питию!»

Горячо поддержали мысль о материальности мира! Но наш «материализм» был «вульгарным», так как мы отвергали «вещи в себе», а признавали только «вещи для нас»!

Применяли законы сохранения энергии и перехода количества в качество: на лекции не ходили, а пили литрами пиво и своим состоянием подтверждали справедливость закона.

Мы неустанно и настойчиво боролись с пережитками прошлого: уничтожали пачками сигареты и ящиками спиртное!

Немного не понятно было с тезисом: «Свобода – это осознанная необходимость!» Даже поспорили с преподавателем! Но, постепенно, накопив необходимый опыт, мы сами сформулировали: «Свобода – это осознанная необходимость выпить и встретиться с девушкой!» Вот так мы разрушили этот антагонизм! С тех пор мой главный лозунг: «АПРИОРИ НЕ ОРИ!!!»

Преподаватель информатики поразил нас тогда незнакомыми словами. Но слово «интерфейс» все узнали и посмотрели на лицо студента-монгола. Кстати, этого «информированного препода» прозвали АбЗолют – он был зол до лютости. Корень его зла, видимо, был в малом росте. Чтобы как-то возвыситься над студентами, он между рядами не ходил, а только по подиуму перед доской. Причем, любил ходить спиной вперед. Ох, сколько раз мы заключали пари! Свалится или не свалится? Но он каждый раз останавливался на краю! Но одной группе все же «повезло». Свалился! Смеху то было! В тот день... А вот потом группе было не до смеха! Когда в полном составе ходили и пересдавали ему предмет по пять и более раз!!!

Про преподавателя английского языка и говорить нечего. До сих пор не могу понять, почему она по-русски с нами не говорила, как другие «преподы»? Стеснялась, что ли, или не знала русский? Побормочет, побормочет что-то непонятное, затем говорит:

– Гудбай, чилдрен!

Мы сидим. А она покраснеет и рукой машет, мол:

– Идите, пока не убила!

Это мы понимали, это выполняли. Но больше, ей-ей, вспомнить нечего!

С особым теплом вспоминаю «преподов» по спецпредметам. Как они обогатили наш скудный и паскудный язык, какие слова мы взяли от них!

Слово «барботаж» стало означать у нас команду: «Взять бар на abordаж!»

«Барботирование» – фланирование от бара к бару.

«Волочение» – процесс ухаживания за девушкой.

А термины металлургии и прокатки «дразнение» и «дрессировка» – это стадии ухаживания.

«Нормализация» – процесс «приведения в норму» загулявших студентов деканом.

«Дозатор» – еще одна кличка бармена.

«Дендрит» – научное ругательство (очень похоже на «едрит», но культурнее).

«Красностойкость» – выносливость при употреблении красного вина.

«Ползучесть» – высшая степень выносливости.

Ну, а спецтермины «раздевание» и «разливка», вообще, стали самыми применяемыми по отношению к девушкам и вину!

Несмотря на все старания «преподов» обратить наше внимание на свои предметы, учеба шла «ламинарным потоком». То есть, жизнь студентов и преподавание текли параллельно, не пересекаясь! Мы-то о себе думали, что «ученого учить – только портить». Лишь в сессию «преподы» героически вставляли на пути стихийного движения студентов, и в «турбулентном потоке» всё перемешивалось так, что выплывали только самые сильные! Вот как это было...

Обычно перед экзаменом мы устраивали Валтасаров пир (оргию накануне несчастья)! Затем проводили восхитительную Вальпургиеву ночь! Но все заканчивалось Варфоломеевским экзаменационным днем!

Помню, как парень с параллельной группы, притащился пьяный после экзамена. Он сумел только произнести:

– Экстерн! Экстракт! Экстремист! Экссесс!

Только утром он сумел нам объяснить свои слова. Оказалось, что преподаватель видел его в первый раз. Познакомились, и студент попытался выдать сжатое изложение знаний о предмете. Но невежественный «препод» не опознал эти сведения и повел себя как сторонник крайних мер. Возникла острая ситуация, завершившаяся невоздержанным криком: «Вон!!!»

Надо добавить, что на экзамен, который проводил этот преподаватель, ходил смотреть весь факультет. Как на комический фильм ужасов! При неправильных ответах, этот «препод» начинал медленно краснеть. Наконец, багровый как Синьор Помидор, он хватал зачетку несчастного и бросал её к выходу из аудитории. А крик: «Вон!!!», раздавался уже в спину улепетывающего студента.

На экзамене по сопромату я встретил легендарного Вечного Студента. Сколько я слышал рассказов о его героической учебе! И представлял его гренадером двухметрового роста, который стоит по стойке «смирно» и громовым голосом «посылает» «преподов»:

– Ничего вам, враги, не скажу! Хоть пытайте, хоть казните!

Всего лишь двадцать лет, феномен, проучился, а уже на третий курс перешел!!!

Легенды, легендами, а на самом деле Вечный оказался невзрачным мужичком с большими залысинами. Он толкал меня в спину и шептал:

– Парень, реши мне задачу! Ну, пожалуйста!!!

«Преподу», принимавшему экзамен, надоело сидеть без дела, и он ласково сказал:

– Иван Иванович, прошу ко мне!

– Дык, я еще не готов! – сдавленно ответил мужчинка.

– А мы вместе и посмотрим! – настаивал «препод».

Вечный поплелся к столу, сел на краешек стула.

– Сколько Иван Иванович до века то осталось?

– Век живи – век учись? А что считать – всё равно дураком помру, Михал Данилыч!

– Ну, это вы зря! Успехи на лицо! Так, что тут у нас? – сказал «препод», внимательно осматривая пустой листок. – Очень хорошо! А как жена, как дети?

Мужчина приободрился:

– Жена хорошо, а вот младшенький приболел!

– Так идите, идите быстрее, лечите парня! Давайте зачетку!

И радостный Вечный Студент с героическим «троебаном» в зачетке ушел, сверкая медалями на груди!

Но не всем так везло. Ваш рассказчик, например, в тот раз «завалил»! Дело в том, что я впервые пришел на экзамен со «шпорами». Но, чтобы сдать с ними, надо иметь опыт, а главное наглость. Этих необходимых качеств у меня не было! И подлые «шпоры» стали по одной выпадать на пол аудитории. Все члены мои леденели, а я ждал крика: «Вон!!!»

Но крика не последовало. Успокоившись, я запинывал проклятые бумажки, куда-то за себя, а «препод» делал вид, что ничего не заметил. О, коварный! Он все заметил! И очень быстро доказал это, приступив сразу к «допвопросам»! Затем также быстро доказал, что сегодня мне на экзамене делать нечего! А к концу опроса я понял, что мне, вообще, на этом свете делать нечего! Но, ура, ура!!! «Препо» оказался добрым и спас мою жизнь словами:

– Ничего страшного, в следующий раз сдадите. Но только приходите сами, без «костылей»!

А Староста нашей группы всегда сдавал экзамены со шпаргалками. Ему, как начальнику, «преподы» делали поблажки. И, в конце концов, наш групповой «капо» собрал совершенно уникальную коллекцию. Представьте: он после Госэкзаменов продал полное собрание «шпор» по всем предметам, за все пять лет учебы!!! Вот уж мы погуляли то на эти деньги! И это празднование было самым запомнившимся событием за все годы учебы!

Ну, что же! Дань памяти святой учебе отдан, и можно поговорить о том, что действительно составляло основу жизни в Похеронии. И давайте начнем с главного. С секса!

Секс в Похеронии!

«Молодо зелено – погулять велено!»

Поговорка.

Как изменилась наша страна с тех далеких ночей! Какие свобода и фантазия в этом коренном вопросе всех времен и народов разразились! Теперь «сытый голодного не раз Имеет»! А у нас в Похеронии все по любви было:

– «оральный» секс был исключительно от слова «орать»;

– близлежащие люди были исключительно противоположного пола.

Да, правду говорю:

– Мы жили без всякой «задней мысли». И «концы с концами не сводили». Может быть мы и представляли всё в розовом свете, но не в голубом!

Предметом интереса всегда были девушки. Но нам, неопытным и пугливым, необходим был толчок в нужном направлении. «Толчок» поселился в нашей комнате в лице старшего товарища Николая. Это был парень старше нас всего на один год, но в некотором отношении старше на целую эпоху.

– Мальчики! – обратился он к нам. – Сколько можно «накладывать на себя руки»? Это позорное явление должно уйти в прошлое! Также пора расстаться с детскими страхами. Сорвите невинности маску – сорвете женскую ласку!

И закончил речь боевым лозунгом:

– Только смелость города «дерет»!

Мы сразу представили, как наш боевой старший товарищ берет почту, телеграф, вокзалы... И всех подряд, всех подряд!!! Затем Николай наливал нам спирта. Для храбрости! И несколько раз повторял:

– Смотреть ЕЙ в глаза, не отрываясь! Нагло, смело и с вызовом!

Через полчаса в кабаке появлялась группа молодых маньяков. Мы садились за стол и впивались взглядом в окружающих девушек. С самого начала, из-за спирта, эти взгляды были тяжелы. Но какими тяжкими эти взгляды становились под конец вечера! Так и норовили придавить голову к земле. Тут уж не до девушек, себя бы до кровати дотащить. Но и в кровати в голову опять лезли мысли об одном!

...Женская ласка! О, она нам грезилась и наяву и во сне! Чудовищное сочетание юношеского романтизма и бредовых сексуальных фантазий, которые накрикивал пробуждающийся молодой организм! Поэтому, несмотря на временные неудачи, начались «Половецкие пляски»...

Пупу (это наш товарищ-студент) повезло. В их бандитском дворе была штатная дама легкого поведения, которая всех «принимала за чистую монету». Она была из тех женщин, с которыми твои «глаза боятся, а её руки делают!» Перепало и Пупу, но кроме первого опыта ему перепала и дурная болезнь. Вылечился и стал гордо носить звание «Мужик!»

Постепенно, это «звание» получили и все мы. И стали с разной регулярностью занимать «активную жизненную позицию»...

Одним из мест занятия «активной позиции» в нашей общаге была МесСАЛОлина. Роскошная женщина, которой, как и положено, было много. Причем во всех местах! Она была доброй женщиной и жалела многих. Но сама была несчастна.

– Эх, «не с того конца я начала»! – вздыхала она, и говорила очередному претенденту на звание «мужик». – Ну, чего ты «носишься как курица с яйцами»? Иди ко мне!

Так и моталась по общаге с конца на конец!

Староста был самым активным в этих делах. Тот еще был «кобельеро»! Старался никого не пропустить! Причину своей популярности он объяснял просто:

– На ловце и Зверь лежит!

Помню, как он смело бросался на очередную пассию, напевая:

– Начни с начала, начни, Суля...

Но однажды и его огорошили. Услышав его боевую песенку, одна девица деловито ответила поговоркой:

– Не страдай началом, покажи конец!

Но, чтобы девушки не говорили, мы в ответ не хамили. Помню, как Батон (парень из нашей группы) сказал:

– Вашими бы устами, милая, да...

Но не договорил! Мы все закричали:

– Молчать, гусар!

Батон испуганно продолжил:

– Да я же комплимент... Про то, что «...мед пить»!

Были в этом серьезном вопросе и серьезные специалисты. В основном это были ребята после армии. Особо выделялся мужик по кличке «ТРАХторист». «Красовец», детинушка, отслуживший в кремлевской охране. Про него легенды ходили, как он профессионально «входил в тело».

– Дети! – говаривал он нам. – Не бабу абы как, а даму как бык бы!

Как-то эти два человека-легенды, он и МесСАЛОлина, встретились. Она потом сказала:

– Зря говорят, что третий лишний!

– Плевое Тело! – высказался ТРАХторист и вдруг разозлился. – Ну и подложили вы мне свинью!

Однажды мой приятель Петруха прибежал в общагу прихорашиваться.

– С манекенщицей обещают сегодня познакомиться! Наконец, мужиком стану! – возбужденно кричал он, причесываясь.

Вечером Петр вернулся злой и ругался:

– Блин! Только под их ногами путался. Они ж, заразы, все двухметровые!

Но он потом все же «исходил» одну из них «вдоль и поперек»!

Но среди нас были и исключения. Те, кто по несчастью попал в руки девушек знающих, что им надо. Одного прозвали Маринист – он полюбил Марину. Другой студент полюбил стервозную Тамару, которую все звали «Тома-Гавк». Этим ребятам все дороги на сторону были закрыты. И они уныло ждали свадьбы, и всего того, что могли позволить им будущие законные жены. Но свадьбы, как и положено, были назначены на... На «после института»!

У декана тоже была попытка прекратить «половую невосдержанность» в общежитии. Чтобы все студенты до свадеб «ни-ни»! С месяц проходили рейды и проверки деканата, комендант «бдила» по-настоящему. В этот период девчонки и парни вздыхали:

– Вот ситуация! Ни дать, ни взять!

Но месяц прошел, партия поставила новую задачу, и все снова стали относительно свободными.

А у всех свободных студентов проблем не было! Всё каким-то взаимным чудом решалось к обоюдному удовольствию. Как тогда говорили: «С миру по нитке – голому деваху!»

А когда парня спрашивали:

– Есть проблемы?

Парень небрежно отвечал:

– Ничего не стоит!

Причем, ударение в последнем слове ставил правильно, на «о»! Правда, «до поры, до Бремения»! Предохранение только-только проникало в наши ряды.

«Нет Блуда без добра!»

Эх, времена были! Эх, забавы! Почитал я сегодня написанное и размышлялся, раззадорился! «Трахнуть что ли стариной»? Была, не была! Надо это сделать! «Во что бы то ни Встало!» Где же мои заветные телефончики? Но всё это надо делать с соблюдением конспирации! Провал явки может обернуться семейным кризисом, и я буду: расстрелян, повешен, забит камнями, прибит гвоздями... и так до самой смерти! Эх, вспоминаю жизнь в Похеронии. Мы во многих вопросах были молоды и глупы, но относительно женитьбы – мудры и хитры как столетние вороны! Почитайте далее и сами согласитесь со мной...

Попросить руку – протянуть ноги!

Женитьба в студенческие годы была понятием несовместимым с нами. Так весело, так спокойно и вдруг: «Бац!» Какая-то ОДНА начинает бродить перед глазами туда-сюда! Ну, можно «раз сводить шмары в бары». Ну, два! Но чтоб на всю жизнь? Нет, это исключалось. Тем более что тяжкие последствия подобного проступка рисовались живыми примерами наших друзей!

Один наш студент, окончательно свихнулся от любви, и пошел к отцу своей пассии на серьезный разговор. Как идиот купил цветы, конфеты и шампанское. Пришел, а папаня отходит после вчерашнего праздника. Сами понимаете – утро вечера похмельнее! Тут бы и налить ему «шампуни», болезному. Но наш-то парень, свихнутый в это время был, и полез со своими глупостями.

– Папаша! – забормотал он, волнуясь. – Дайте руку и сердце вашей дочери!

Папан аж вскочил с дивана и закричал:

– Ах, ты расчленитель маниакальный! Может тебе еще и ноги помочь отпилить?

Пока размахивался, паренек уже на улицу выбежал. Разгневанный родитель выбросил с балкона цветы, конфеты и прокричал в след:

– Не твоего ума Тело!

Но бутылку шампанского, кстати, не выбросил!

Другому нашему знакомому девушка «подставила ножку» на первом курсе. Женился! Всё было хорошо, но не выдержал и сходил как-то с нами в кабак. Перепил с непривычки и угодил в «трезвяк». Там еще пошумел, и дело закончилось отчислением из института и армией.

«Подруга дней его суровых» была отнюдь не «дряхлой голубкой»! Подождала год, помучалась, а потом позволила себе расслабиться. Что тут поделаешь? Это же обычная преРОГА-тива женатого студента! Ей это «сошло с рук», и она «пошла по рукам»! «Хоть кол на головУ тЁЩИ»! Наш же товарищ, наконец, пришел из армии. «Пришел, увидел и... И запил!» Но мы не бросили парня в беде! Пару раз провели «похеронотерапию» и он, выбросив кольцо, зажил как все нормальные люди.

Третий живой «пример» был старше нас и тоже отслужил в армии. Но женился после отбытия гражданского долга! С женой они снимали квартиру, но его часто можно было видеть в общаге с подругами. Очень тяжело парень жил! «С гАремОМ пополам»! Иной раз страшно было смотреть, когда он возвращался под утро на свою койку! Буквально держась за стену. Вот как паразитки издевались над хорошим человеком! Прохрипит:

– Кончил в тело – спи смело!

И спит до вечера. А на ночь, глядя, опять мучиться уходит!

Еще один студент-женатик, как-то случайно назвал свою «половинищу»:

– Баба!

Получил пощечину и стал убеждать её, что:

– Баба – это почетное обращение у тюркских народов к старейшим!

Сразу получил по мордасам:

– За старейшую!

Еще что-то стал лепетать и за это получил... Вот так до сих пор и живут: он ляпнет, а она его тыпнет! Хотя, между нами, она не просто баба, а бабуин целый!

Еще одного, мечтательного такого, романтического, женушка спросила:

– Ты где это целых полчаса шлялся?

А он, с дуру, признался:

– Меня посещала Муза!

Жена, кто такая «Муза» не знала, но на всякий случай отдубасила мужа и вдобавок на ухо наступила. С тех пор он ни стихов, ни музыки не пишет!

У другого несчастного жена «вертела хвостом» и ему приходилось «висеть у неё на хвосте», чтобы быть «в курсе». Прибежал он как-то, «весь в мыле», в общагу и кричит мне:

– Ты мою «козу» не видел?

А я тоже хорош, взял да пошутил:

– Галку то? Видел. Она «покоится в объятиях Морфея»!

Что было!!! Он полдня Галю и Морфея искал по всей общаге, а потом еще полдня за мной с табуреткой бегал. Насилу успокоили, объяснив, что «Морфей» – это, конечно, мужик, но очень древний и не опасный.

Да что там о случаях говорить? Просто разговоры женатых людей послушаешь, и страшно становилось! Встретились две замужние подруги и делятся впечатлениями. Одна:

– Я своего муженька «держу на привязи»!

А вторая:

– А я своего «на коротком поводке»! И, вообще, на нем «верхом езжу»!

И точно, муж первой студентки потом у нас в общаге плакал пьяными слезами и жаловался:

– Тёща и жена «поедом едят»! Всю «кровь высосали»!
– Господи! Пронеси! – молился я. – Не дай попасться в руки таким людоедкам и вампиршам!

А муж второй, тоже наш брат-студент, с горечью говорил поговорку:

– Жена не гусли! Поиграл, не повесишь!

– Боже мой, он уже и о смертоубийстве думает! – пугался я.

Я тогда еще один разговор студенческой пары случайно услышал. Она «сверлила» его:

– Ты, почему не помогаешь маме: в магазин не ходишь, лампочки не меняешь...

Он ответил:

– Такие мелочи мне с высоты птичьего полета не видны!

Вот жена его и уделала:

– С высоты птичьего помёта! Живешь у нас на птичьих правах: поел, нагадил и улетел!

Видно птицу по помёту!

Да! После таких слов ему только разбиться осталось!

Понятно, что после подобных ужасов женитьба снилась нам в кошмарных снах! Да и своих случаев было много. Помню, понравилась мне одна девушка. Понравилась так, что сил нет! Разума тоже! Уже на всё готов был. Положил руку на сердце... Ей! И говорю:

– Красавица – глаз не оторвать...

А она густо покраснела и дрожащим голосом отвечает:

– Не оторвать глаз! Я милицию вызову!

Ну, и... «скатертью..., дорогаяЯ»! Нечего нас «под одну БАбёнку причесывать»!

Нет, в таких делах «семь раз примерь», а один раз женись! Тем более что девчонки тоже не промах! Таким в рот не клади! Мы им одно:

– Такие, как мы, на дороге не валяются!

А они в ответ, сразу три:

– В канаве вы валяетесь, раз! «Все вы на одно ЯЙцо», два!! А «за двумя Яйцами погонись – ни одного не поймаешь», три!!!

Нет, нет и еще раз нет, повторяли мы по три раза на дню! И что? А мы умнее других, что ли? После Института все женились. Раз надо, так надо! Правда, к настоящему времени некоторые из нас сочли, что два раза надо. А один решил, что три раза надо, да и то мало!

Что-то я все о женщинах, да о женщинах! Кроме них были еще интересы. Да и на голодный желудок не надо вообще никого. Поэтому давайте вспомним, что мы ели-пили в те годы.

Студенческие напитки и «закусь».

«Юность – время золотое: ест и пьет и спит в покое!» «Ешь, пока рот свеж, а завянет – ни на что не взглянет!»

Пословицы.

«Чем наполнена посуда, то и выльется оттуда!»

Ш. Руставели.

Мы росли на голодном Урале. Я помню, как постепенно из магазинов исчезало свежее мясо. Помню, как затем мы стояли в огромных очередях за столетним мясом, которое привозили со складов стратегических запасов. Помню, как колбасы постепенно превратились в один сорт «Колбаса». А затем и она пропала. Помню пустые магазины «Мясо-рыба», которые народ прозвал «Ни рыба – ни мясо». Я уже и не вспоминаю об овощах и фруктах! Тут и вспоминать, вообще, не о чем!

Меня ехидно спросят:

– А что же вы ели?

Отвечу:

– А то, что на Руси ели всегда. Щи да кашу. Мать вашу!

Эх, да мало ли обид я помню? Хрен с ними! Матери и отцы героически, что-то, где-то, как-то «доставали» и голодными, по меркам социализма, мы не были. Как-то они сумели нас поднять и довести до института. Потом выдавали сумму достаточную для нормального питания. А уж как её потратить – это мы сами решали.

Но не подумайте, что мы только на одни развлечения тратили деньги. Нет! Питались. Иногда. Антрекотов не ели, но и до «антрэ из котов» тоже не доходили. Старались, ради экономии, сами готовить...

Например, «бутерСброд». Это когда побродишь по общежитию, насобираешь съестного. А затем закроешься понадежнее, и грызешь ЭТО, запивая чаем.

Студенты – это же, в принципе, полиглоты. Глодают все, что не найдут! А мы, конкретно, всю неделю были убежденные вегетарианцы. С хлеба на водку перебивались! Иногда ели лечебное болгарское (как говорились: «Леча с чужого плеча!»), сырники, кильку. Мы были убеждены, что голодать неделю полезно. Особенно, когда копишь деньги на кабаки! Но, когда в животе «крупинка за крупинкой» начинала гоняться с дубинкой», забредали в столовые...

В одной столовой поваром работал БолиВар: от его пищи были боли в желудке. В другой поварил АнтикВар: он готовил свои «ублюда» из каких-то старинных, древних продуктов.

– Не ведают, что Варят! – говорили мы, отведав, экстремальной, как бы сказали сейчас, кухни.

Потом еще неделю в горле стоял колом жир, на котором экономно жарили хлебно-слегкамясные котлеты весь год. Ну, да чего уж много говорить о пище? Давайте лучше о напитках поговорим!

Напитки у студентов были обычные и экзотические.

Обычные – это водка, портвейн и пиво.

Экзотические – это кубинский ром «Негро»; египетский бальзам «Абу-Симбел» и вьетнамские водки, в которых плавал то ли корень, то ли ящерица.

«С ума сбрендить!» – означало выпить «бренди».

Был ещё напиток – «Ёрш»! Это, когда всё вышеуказанное смешивалось в различных сочетаниях!

Отдельный разговор о портвейне – «ПОРНвейне»! Надо отметить, что мы пришли после «Солнцедара» и эту вершину советского портвейностроения не пробовали. (Хотя видели заборы, покрашенные им. Говорят, что эти заборы до сих пор не гниют!)

Но мы перепробовали все портвейны выпускаемые позднее. Это был тот же «Солнцедар», но под другими названиями. Приведу примеры:

«Кавказ» – в нашем переводе – «Дата Туташхиа»!

«Золотистый» – по-нашему – «Золото с дерьмом смолото»!

Портвейн «Молдавский» мы называли «Таракановка».

Пивали и «Фруктовича» в «бомбах» по «ноль-восемь» литра с романтическим названием «Осенний сад». Мы его звали «Осенний зад».

Грузинское вино «Эрети» – прозвали «Эротическим».

«Заливаться краской» – означало пить красное вино.

Были и те, кто «мутил воду» (ставил брагу). Но это были ребята после армии, мы этим не занимались.

Вина вносили особую задушевность в нашу тяжелую жизнь, но на них не всегда хватало денег, и поэтому чаще искали пиво. Как говорится: «Не до жиру, быть бы Пиву!»

Пиво в те времена было напитком дефицитным. Оно распределялось по избранным магазинам, а потом расходилось по «нужным» людям. Студенты в число «нужных» естественно не входили, поэтому нашим единственным шансом было попадание «под выброс».

«Выброс» – это когда где-то, непонятно зачем, выставляли несколько ящиков в свободную продажу. Попасть «под выброс» «случайно», могли только, так называемые, «свои люди». Те, кого информировали продавцы. Студентам же оставалось «хождение по мукам» и надежда на чудо. Да, бывало так весь день, и ходили, «солнцем палимые», но пиво не находили. А бывало, что и находили! Из последних сил мы бежали в общагу, разливали пиво из пакетов в чайник...

Затем было как в поговорке: «Как ест и пьёт – так и поёт!» Заводили замечательную, бурлацкую песню:

– Быть бы Якову собако-ю! Выл бы Яков по утру-у-у!

И начинали выть:

– У-у, у-у, у-у, ууууу...

Но это уже другая песня под названием «О культуре питья!»

О культуре питья!

«И снова Той! Покой нам только снится!»

Культура – это основа жизни! И в вопросах приема алкоголя без культуры тоже не обойтись. Если пить культурно, то всё получается чинно и благородно. А если пить не культурно, то всё получается «как всегда»! Это мы ещё до Черномырдина поняли!

Вот, например, два слова – «аперитив» и «дигестив». Они означают особые спиртные напитки. Аперитив пьют до, а дигестив после культурного застолья.

А если водку пьют до, в процессе, и после застолья? А потом и опохмеляются ей же! Это что такое? А это не культурное студенческое питиё! И только в целях воспитательных я расскажу вам о безобразиях, которые мы устраивали. Не делайте так! Если сможете...

«Кто-то подает надежду, а кто-то поддает надежно!»

Ох, насколько велик и могуч русский язык! И насколько талантливы люди разговаривающие на этом великом и могучем...

Как-то в общаге мы сидели без денег. И, понятно, без дела. Просто «тыкали пальцем в нёбо». Для заполнения застывшего времени, решили поиграть в какую-нибудь культурную игру. Культурной она не получилась, но актуальной оказалась точно! Мы стали перечислять слова определяющие состояние опьянения. Причем такие слова, которые начинались с приставки «на», а заканчивались постфиксом «ся». Кто больше вспомнит. Перечисляли долго!

«Напиться, нажраться, надубаситься, назюзьгаться, налиться, наклюкаться, насосаться, нахренососиться...» Ух, передохнули и пошли дальше!

«...Налакаться, набраться, настаканиться, надраться, надегустироваться, нализаться, надроболызгаться, насифониться, надринькаться, нарубиться...»

– Настограмиться! – сказал Пуп.

Но все это слово отвергли. Какое опьянение со ста грамм?

«...Нарезаться, набальзомироваться, накряться, наклюкаться, набухаться, накушаться, нагрузиться, наглотаться, нагреться...»

– Нагрешиться! – опять встрял Пуп.

Но все опять отвергли его слово. И, действительно, разве вино – это грех? Продолжили перечисление: «...Наподдаваться, надёргаться...»

– Надорваться! – кто-то произнес робко.

Все трижды плюнули через левое плечо и дружно отвергли это слово. И поехало далее: «...Надуться, накачаться, намазаться...»

– Намаяться... – опять кто-то робко промямлил.

Отвергли! Разве спиртное – это маята?

«...Наметаться...» Нет, это следующая стадия, когда «харч метают». «...Намочиться...» Сам ты намочился! Отвергаем! «...Нанюхаться, наодеколониться...» Наодеколониться? Это явление, конечно, существует, но его надо избегать! «...Напитаться...» Как земля, что ли? Ладно, принимаем! «...Напихаться... Напичкаться... Наполниться... Нарадоваться...» «...Насвинячиться и насвинососиться...» Что ж, принимаем, и такими бываем! «...Насладиться... Наспиртоваться... Насытиться... Нахвататься... Нахлебаться...» «...Начитаться...» Потом «обложки» сдать? Принимаем! «...Нагрузиться... Накиряться...»...

... «...Намучиться и намыкаться...» Нет, это не подойдет...

Долго бы еще перебирали слова, но пришел друг из «универа» с деньгами и мы опять «полезли в бутылку»! Как говорить:

– С кем поведешься, от того и напьешься!

И не прошло и полчаса, как мы «анонсировали» – появились с бутылками в общаге. Анонс означал одно: опять студенты устроят похеронские «гастроли» с «выступлениями»...

В Китае существует мера веса «цзинь», а у нас была мера разлива «буль». Специалист, лихо разливающий по «булям», назывался – «Бульдозер». Чаще всего разливал Староста. В мгновение ока, он «выровнял нас под одну мерку» (налил поровну). И праздник начался под джентльменский тост:

– За лучшую половину лучшей половины человечества!

Не прошла и минута как мы «бисировали» – выпили по второй! А потом сразу по третьей. Перед четвертой встал студент университета и произнес тост:

– Гаудеамус!

– Это кого ты назвал: «Гад и анус»? – с угрозой прорычал самый пьяный из студентов-«технарей».

– Это по латыни «Возрадуемся!»... – испуганно пролепетал гуманитарий.

– Так и говори, по-русски! Не в Латынии живем!

Возрадовались! И еще много, много раз! А говорят:

– Выше головы не выпьешь!

Выпили!!! Но после определенной, и изрядной дозы вся компания разделилась на студентов «стоического» и «упаднического» типа.

Упаднические типы «хлебнули через свой край» и «растеклись мыслью по древу» (уснули за столом).

А стойки начали вытворять разные некультурные безобразия! Самые крепкие «отошли в Пир иной» (в соседней общаге у знакомой девушки был день рождения!). Пуп, по своему обыкновению, пошел искать женской ласки, но напился так, что «с тела спал»! Еще были варианты, как в пословицах: «В гости на ногах, а из гостей на санях!»; «Где пируют, там и бока вздуют!» Были варианты и еще...

Но все стоические типы прошли одни стадии опьянения: «алогизм», «анимизм», «анестезия», «аморфное состояние», «анабиоз», «амнезия». Объясню термины:

Алогизм – это рассуждения противоречащие логике. Например: шатаясь, и «благоухая» спиртным мы уверяли коменданта общаги, что не пили.

Анимизм – вера в существование души у растений, вещей. Это когда, наткнувшись на дверь, извиняешься, но строго спрашиваешь:

– Ты, почему не отвечаешь? Не уважаешь, что ли?

Анестезия – потеря чувствительности. В этой стадии уже терялись чувства меры, времени, долга... Счастливые, меру теряли уже после первого тоста, и «часов не наблюдали»! А потеря чувства долга – это когда забываешь кому и сколько должен!

Аморфное состояние – в этом состоянии уже «растекались не только по древу», но принимали форму всего на что падали: стула, кровати, девушки...

Анабиоз – снижение интенсивности жизненных процессов. Вот до чего доходили: аж несколько часов даже пиво не просили. Просто валялись!

Амнезия – частичная потеря памяти вследствие отравления алкоголем. «Кто ты такая не помню. Но было с тобой хорошо!»

Была еще стадия: «Под стол ходит!» Да еще бывало, что есть мочи! (Ударение в последнем слове поставьте сами!) Но, тьфу! Вот об этом не буду.

В конце концов, до своих кроватей добрались только самые сильные. Бухались, как подкошенные, на то с чем стояли рядом. Раздавался последний стон студента, которому отдавили самое дорогое:

– Ты «сел не на свои, Саня»!

И все, комната превратилась в Некрополь – город мертвецки пьяных...

«Кругом вода, а с питьем беда!»

Что означает эта пословица? Море? Нет. Это общага между стипендиями!

Утром со всех временных, ночных прибежищ все собрались в нашей комнате. Чтобы, как говорится, «свалить с больной головы на здоровую». Опохмелиться! Студента же хлебом не корми, но налей пива! Увы, с пивом случился «ликвидус». Причем полный! Это когда нет ни денег, ни пива в продаже!

Но если все же наскребали по «сусекам» деньги, то «скакали» в кофе «Серебряное копытце». Мы называли его «Серебряное корытце». Гардеробщик, принимая от нас курточки, всегда бурчал:

– Еще водка на губах не обсохла, а уже в кафе лезут!

Но мы на эти завистливые реплики не реагировали, а устремлялись к стойке бара. Бармена в продвинутой советской печати называли – «Смеситель коктейлей». Мы же в начале застолья его называли уважительно – «БарХан!» Но под конец вечера уже с трудом кричали некультурно:

– Капилляр! Накапай нам еще по сто!

Увы, денег на кофе чаще всего просто не хватало, и наступали часы мучений...

Но чуть позднее, стало легче. Открылись пивбары...

Открытие пивбара в родном "Первом на Урале" городе...

Сначала в газете была ожесточенная «дискуссия». Ветераны рубили, как шашками:

– «Пивбар» – это пережиток и наследие капитализма; их нравы; тлетворное влияние, от которого будет упадничество прямо под столики!

Аргументов за открытие точки не было – все боялись обвинений в пособничестве буржуазным порокам. Но, видимо, попить пивка хотелось всем. Поэтому «дискуссионный» монолог постепенно свелся к мерам контроля над «очагом культурного приёма пива». Контролировать взялись все: комсомол, горком партии, ветераны, милиция, профсоюз и т.д. и т.п. Выглядело это так...

Официантами, по конкурсу, отобрали самых достойных молодых комсомольцев. До сих пор они у меня перед глазами, как живые: строгие, в белых рубашках и с комсомольскими значками. С каким призрением они подавали нам пиво! А как нам стыдно было пить первую кружку! Мы прятали свои блудливые глазки от орлиных взглядов комсомольцев и антиалкогольных плакатов на стенах. Затем приходили делегации ветеранов, партийцев и еще кого-то водили. Мы сидели за столиками по стойке смирно, глядя с каменными лицами «в никуда», украдкой отпивая пиво. Но настоящий ужас наступал под закрытие, когда приезжала милиция. Эти тоже обходили все столики, но вглядывались уже профессионально. Периодически они вырывали из наших рядов самых некультурных и увозили глумиться в вытрезвитель. (О «трезвяке» я обязательно расскажу, но позднее...)

Но противостояние двух идеологий постепенно угасало. Сначала делегации стали, после контрольного обзора, заходить в служебное помещение. Затем «контрольные органы» перестали вообще появляться в пивном зале, сразу приступая к банкету с директором. Один раз ветеран из комиссии «перебрал», ворвался к нам в зал и стал обличать, хватаясь за отсутствующую шашку:

– Отщепенцы! Вам бы только: стереомузыку с записями ваших «Жуков» навозных; двух стереодевок под правую и левую руки; да стереоводку, чтоб в глазах двоилось!

Орал долго, пока милиция не приехала. Те не разобрались и увезли ветерана до утра в «холодную». Произошел скандал, и контроль отменили. Без проверок комсомольцы как-то сразу поблекли, потускнели. Рубашки сменили засаленные халаты, орлиный взор – залитый пивом взгляд. А когда они окончательно спились, ввели самообслуживание и «очаг культуры» кадит до сих пор рядовой пивнушкой...

"Кабаки".

Раз разговор свернул к «заведениям», то вспомним добрыми словами и «кабаки»!

«Кабак», к сведению незнающих, это истинно культурное слово и культурная жизнь! За этим культурным словом можно было прятать свою пьянку:

– Опять в общаге пьёте?

– Что ты, что ты! Мы же на прошлом месяце в кабак ходили! А сейчас так, просто. Опохмеляемся помаленьку, вспоминаем...

Стыдно было признаваться в некультурном употреблении горячительных напитков! Всем же ясно, что только в кабаке можно культурно выпить рюмку. Одну! А потом, понятно, опять начинались наши безобразия!

Один из ярких примеров этого был поход в кабак после «дембеля»! Ну и как мои друзья Гений и Сергей посетили культурное заведение, я тоже расскажу (см. «Гуляй, рванина!»).

Гуляй, рванина!

«Гуляй, рванина! Ешь опилки!

Я – хозяин лесопилки!»

Так говаривал мой друг Вовка Лютый.

Приезжая в родной городок по выходным, мы рассказывали школьным друзьям о «шикарной» студенческой жизни! Студенческая свобода, нарисованная в основном моим воображением, завораживала ребят. Особенно впечатляли рассказы о кофе и ресторанах. Еще бы! Шикарные Паха с Михой посещали сверкающие залы, употребляли умопомрачительные напитки и невероятные закуски, наслаждались общением с прекрасными женщинами и музыкой! В ресторанах эти два счастливица, как Киса Воробьянинов, разбрасывали во все стороны червонцы!

Наконец, наши друзья Сергей и Гений не выдержали! В день ближайшей своей полочки они решительно направились в самый роскошный ресторан нашего городка. Ресторан назывался «Уральский трубник», что, согласитесь, необычно для подобных заведений. К счастью, внутри труб не было. Но и обслуживать не торопились! Два наших друга, тоже не торопясь, огляделись...

Низкие своды кабака сохранились со времен Демидова, первого уральского заводчика. Под этими серыми сводами стояли столы без скатертей с бутылками и тарелками. Вокруг бутылок сосредоточились «уральские трубники»: те, кто пришел после смены на заводе, и те, кто не

дошел до смены. На полу лежала пара «уральских трупиков», сраженных «водкой из опилок». Из радио раздольно лилась похоронная, советская песня:

«... Ленин всегда живой, Ленин всегда с тобой...»

Комсомольцы Гений и Сергей испуганно обернулись. К счастью, Ленина рядом не было! Но не было и официанта! Парни несмело позвали:

– Официант... Будьте любезны...

Со стороны «трубников» послышалась угрюмая угроза:

– Что? Царское время вспомнили? Теперь холуев нет, чтобы вас, стилиг, обслуживать!

Наши парни не стали пререкаться, а сами пошли на кухню. Но их остановил окрик:

– Куда? Там слу...слу...жАбное помещение! Вход посторонним... Нельзя!

Ребята увидели, как от стола отдыхающих трудящихся отделилась фигура в серо-белом халате. Подойдя на нетвердых ногах к друзьям, официант сделал попытку записать в блокноте сказочный заказ.

Вспоминая наши рассказы, Сергей и Гений заказали: ассорти рыбное и мясное; рассольник; азу по-татарски... И прочее, прочее, прочее... Даже не забыли заказать по сто грамм коньяку к кофе! Официант обалдело посмотрел на свои каракули, и, глумливо улыбаясь, сказал:

– Есть пельмени и водка! Вы будете, наконец, заказывать или нет?

Делать было нечего, заказали то, что было. Сели за стол. Опять потянулось ожидание. Наконец, официант вынес тарелку пельменей и две вилки. Пельмени были холодные, вилки кривые. Парням стало совсем тоскливо. К счастью, из кухни показался официант со спасительной водкой! У Сергея и Гения загорелись глазки! Они мгновенно вспомнили наши рассказы о чистой, как слеза водочке в запотевшем, хрустальном графинчике! Увы, водка была вовсе не в графине. Официант осторожно нес по двести пятьдесят грамм «родимой» в наполненных до краёв граненых стаканах. Донес, почти не расплескав! Школа! Да и каждая капля была для него священна!

Вид стаканов на столе окончательно отрезвил совершенно трезвых ребят. Мечты о шике рухнули! Осталось одно – напиться и как можно быстрее! Схватили по стакану и начали вливать в себя водку. Но «горькая» оказалась еще и теплой! Она, зараза, никак не шла в горло. Как живая, водка булькала, фыркала, пытаясь вырваться из глоток. Даже оказавшись в желудках, она не сдалась! Забурлила и стала настойчиво рваться наружу. Парни бросились в туалет. Понятно, что он был закрыт на «ремонт». Тогда ребята выскочили на улицу и едва успели забежать за угол. Водка трудно шла, но вышла мгновенно!

– Ну, ты за продолжение банкета? – отдышавшись, спросил Гений.

– Нагулялся вот до сих пор! – показал на горло Сергей.

«Без вина – виноватые» и «как в водку опущенные», побрели ребята по домам.

Нам потом они описали всё, как было. Ничего, не приукрасив, не приврав. Есть же еще честные люди на свете! Дай Бог им здоровья! А в нашем городке все же появились хорошие рестораны. И, может быть, я еще побываю там со всеми моими школьными друзьями!

Кстати, о школьных друзьях! Почитайте, как я с ними повеселился на «природе»!

Пикник.

В воскресное, зимнее утро я и мои друзья (Сергей, Гений и Миха), встретились на улице. В наши юные восемнадцать лет ноги нас вели или к девушкам, или в винный магазин. Так как денег не было, а встречи с девушками были назначены на вечер, то внутри образовался вакуум. И окружающий мир навалился на наши неокрепшие души витринами винных магазинов, и видениями проходящих красавиц. И то и другое видеть было просто нестерпимо, поэтому ноги нас понесли на природу.

В лесочке стало легче, и мы не торопясь, подошли к забору садоводческого кооператива. Сергей и Гений радостно вскричали:

– Надо же, к нашему саду пришли! Давайте погреемся в наших домиках!

Дом Сергея показался нам менее укрепленным. Действительно, веранда и большое окно «фазенды» были сплошь составлены из стекла! Сергей осторожно, по-хозяйски, выставил одно из стеклышек, и аккуратно приставил его к стенке. Затем он влез на веранду и так же осторожно вынул стекло из окна дома.

– Прошу к моему «шабашу»! – раздался вскоре голос Сергея уже из комнаты.

Мы, расталкивая друг друга, влезли в дом. Хозяин к этому времени нашел ключ от подпола и открыл крышку. Гости заглянули вниз и увидели зимнюю сказку! В подполе, куда только не проникал взор, стояли заиндевелые бутылки с вином! И не успели мы закрыть рты, как внизу уже раздалось веселое бульканье переливаемого вина. А через минутку хозяин вылез на поверхность с полнехонькой банкой. Понятно, что вино было мгновенно выпито. Но «сугрева» не получилось. Вино само было холоднее наших желудков. Но, всё равно стало легче, и мы спокойно поискали дровишки. Нашли немного и разожгли печь. На то, чтобы прогреть дом, топлива не хватило, но плита разогрелась.

– Давайте глинтвейн сделаем! – предложил Миха.

Других ингредиентов не оказалось, поэтому мы просто подогрели вино, и выпили «вино-грет». Вот только теперь мы согрелись, и стало задушевно...

Любите ли вы зиму, как люблю её я? А как я её люблю? А люблю я зиму в солнечный субботний день, когда позволяю себе расслабиться. Так приятно выглянуть из окна теплой квартиры на голубое небо! Задрать голову повыше, чтобы не видеть ненавистного снега, и тогда алкоголь зашепчет тебе ласково в ухо:

– Старуха-зима сама скопытилась от переохлаждения! Весна пришла! В-Е-С-Н-А!!!

Вот и в тот день солнышко ласкало и грело душу! Но снег, зараза, холодил через выставленные стекла!

– Парни! – вскричал Сергей. – Печь быстро остынет! Надо успеть вина нагреть и закусь обеспечить!

Один миг – и на плите в одной кастрюле грелось вино, а в другой огурцы и помидоры. Рядом мы жарили, прямо на чугуне, кружки картошки.

Тут то и начался настоящий праздник. Теплые вино и овощи сами лезли в горло! И нечего, что картошка была черная от нагара. И она с солью пролетала за милую душу! Праздник прерывался необходимыми выходами из дома. Зачем вылезали? Дело понятное – вина то много в себя вливали. Банками! Когда Миха, в очередной раз вылез на улицу, он по-дружески обратился к Сергию:

– Вассал, ты здесь?

Чуть-чуть трезвый Сергей надолго задумался, пытаясь понять смысл услышанного. А затем серьезно ответил:

– Нет, здесь нельзя, на снегу видно будет, лучше за углом!

К этому времени вылезать из дома уже стало затруднительно. Сначала надо было ногу в окно выставить, затем голову и туловище с руками. Это с трудом, но получалось. А вот когда вторую ногу пытались за собой вытащить, так сразу и бросало на стекла. Тогда и начали их бить! Причем, когда вылезали из дома, то били стекла веранды! А когда влезали, то бросало на стекла окна дома, и колотили их! Это было очень смешно, даже хозяин «заведения» хохотал, как безумный! Но Миха, как самый трезвый, попытался остановить побоище речью:

– Мужики! Сергея повесят родители! Давайте хоть часть стекол сбережем, а для этого будем вползать в дом!

Он первым решил продемонстрировать безопасность нового метода. Выполз замечательно – ни одно стеклышко даже не звякнуло. И влезать начал отлично, но... За то время пока он ползал туда-сюда, Сергей выволок на свет божий огромную бутылку вина.

– Надоело, – сказал он, – каждую минуту «нырять» с трехлитровой банкой!

Сергию показалось опасным ставить бутылку на пол, и он поставил её на стол. А в это время, как раз влезал Миха. Он облокотился на стол и тот опрокинулся! Я до сих пор помню те «минуты», пока емкость летела на пол. Время замерло! Я даже помолиться успел! Но ничего не помогло, и бутылка разбилась!

Мне кажется, идею наливного пола кому-то подсказал аналогичный случай! Вино растеклось идеально ровным слоем! А так как пол был жутко холодный, то оно так и застыло мгновенно в виде катка со льдом красного цвета.

Тут начался, вообще, беспредел! Кто поскользнется, тот машет руками и... И вышибает стекло в окна! А я, решив прокатиться по льду, вообще вылетел на улицу, пробив стекла и дома и веранды. «Апохероз» праздника наступил, когда сам хозяин поскользнулся и свалился в погреб. Раздался дикий крик и одновременно звон разбиваемых банок и бутылей! Мы от страха враз протрезвели:

– Убился!!!

С ужасом уставились на черный проем погреба. Но из темной пропасти показалась бутылка вина, а затем и сияющий Сергей.

– Вот, за одним и винца прихватил! – сказал он, весь обвешанный огурцами и помидорами из разбитых банок.

Понятно, что присутствующие мгновенно выпили за чудесное спасение. Праздник мог бы продолжаться бесконечно, но я вспомнил, что договорился встретиться с девушкой на танцах. Мы выпили «на посошок», и вылезли из дома. Из всех стекол целым осталось только первое, которое вынимал в самом начале Сергей. Миха, как самый трезвый и хозяйственный, стал аккуратно ставить его на место. Но как только поставил, так Гения шатнуло, и он выбил его. Понятно, что нас это ничуть не огорчило и компания, весело шатаясь, пошла по домам. Помню еще Гений, как самый воспитанный, извинялся перед каждым деревом, на которое наткнулся...

Но времени было в обрез, и я, быстро переодевшись дома, прилетел на танцы. Все изумлено смотрели на меня, а я гордо думал: «Да, красавец! Смотрите, не жалко!»

Но моя девушка затолкнула меня в туалет, со словами:

– Посмотри на себя!

В зеркале я увидел харю веселого негра! Всё мое лицо было в саже от сгоревшей картошки. Ну и что такого? Вымылся и отплясал танцульки хоть бы хрен...

Но на следующий день нашло беспокойство. Я позвонил Сергию, и он сказал:

– Батя с утра пошел в сад за картошкой. Но вернулся без овощей и пьяный «в смерть». Он смог сказать только: «Ёксель-моксель!!! В гроб вы меня вгоните!» Но не умер, а до сих пор храпит!

Стекла, Сергей с отцом вставили, и, по широте душевной, еще не раз приглашали нас, шалопаев, в свой домик! Но тот «пикничок» запомнился больше всего!

Был у меня еще один случай связанный с «сугревом». Прочитайте ниже, как я и Вовка Лютый «погрелись»!

Погрелись!

Известие об очередном «не поселении» в общагу на следующий год, я встретил спокойно. На улице стояла вся в яблочных цветах весна и учеба на этот год заканчивалась. Осталось только сдать сессию и гулять, как тогда казалось, бесконечное лето!

Но «лето красное пропИли, оглянуться не успели», как пришла опять осень, необходимость учиться и где-то ночевать. Мой друган Вовка Лютый оказался тоже «не поселенцем». И нам пришлось каждый божий день мотаться на учебу из родного городка. Неделью поездили, другую. Тяжело! А самое главное – свободы нет. Каждый вечер под присмотром родителей!

Вышли мы как-то с ним из «альма» нашей «к матери» и застыли вместо того, чтобы бежать на электричку. Простояли полчаса. Всё! «Поезд ушел»! Стали мучительно думать, куда податься на постой? Можно к Михе в общагу, но ночью вахтерша выгонит! Можно было бы к Старосте, но там меня уже провожали в «Москву к невесте»! Тоже отпадает.

– Постой, постой! – вскричал Лютый. – На постой можно к моему другу студенту «универа»! Он сегодня, как раз, сторожит детский садик! Подрабатывает он так. Винца прикупим и весело ночь просидим!

Мы радостно хлопнули по рукам, позвонили родителям и купили в магазине четыре бутылки вина по «ноль восемь». Этого, как мы считали, должно было хватить на троих. Затем мы сели в трамвай и покатали на другой конец города. По дороге Вовка вспомнил, что дежурство у друга начинается в «двадцать один ноль-ноль». А на часах было еще только «восемнадцать». Мы вышли из трамвая и стали бродить по улицам. Замерзли. Стали бродить быстрее, но замерзли еще сильнее! Тут-то на пути и встретился нам наш родной кабак «Малахит»!

– Зайдем? – переглянулись мы. – Ну, разве только погреться?

Зашли. Гардеробщик принял от нас одежонку и любезно согласился присмотреть за пакетом с бутылками.

В зале ресторана было тепло, уютно и имелся свободный столик. Сразу подошла официантка:

– Гуляете сегодня, мальчики?

– Что вы! Мы только на часок. Погреться!

«Разогрелись» мы салатиком, вторым блюдом и по сто грамм водочки. Потом решили сплясать. Понятно, что тоже только для «сугрева». Поплясали – надо выпить-закусить! Вы понимаете, это же естественно. Выпили-закусили – надо поплясать...

Короче, вам уже ясно, что «грелись» мы до закрытия ресторана! В двадцать три ноль-ноль нас, как и других посетителей, с трудом вытолкали на улицу! Как мы не забыли о бутылках и о том, где собирались провести ночь? До сих пор понять не могу. Мы же «согрелись» по шестьсот грамм водки! Ужас! Но, тем не менее, своё вино мы, на зависть другим посетителям ресторана, забрали и покатали догуливать в садик.

Конечно, вам не интересно, что по пути Вовка сумел рассориться с другим пьяным, ехавшим в трамвае. И вам не интересно, как я сумел их помирить. (И тому и другому я шепнул на ухо: – Ты же умный мужик! Не обращай внимание на сопливого идиота!).

Мы, наконец, добрались до нужной остановки. У Вовки в голове, как и на улице, наступили сумерки. Он долго и мучительно ориентировался на местности. Но после паузы все же повел меня куда-то. Мы шли и вспоминали вечерок в ресторане: общение с девушками, лезгинку грузинов, закуску, выпивку, танцы... Нам было тепло, весело, и впереди была целая праздничная ночь!

Так весело мы добрались до какого-то забора.

– Ты легче меня, – сказал Вовка, – перелезь, и постучи в окошко.

Забор был высокий. Пришлось Вовке встать на четвереньки, а мне вставать на его спину. Оттолкнувшись, я сумел ухватиться за край забора. Напрягая пьяные силы, я стал подтягиваться, но перелез только тогда, когда Вовка толкнул меня снизу. Спрыгнув с забора, я с радостью увидел светящееся окошко и направился к нему. Но сбоку послышался звериный рык. Ко мне стремительно приближалась огромная черная собака!

Дальнейшее сохранилось в памяти, как три момента. Сначала оцепенение, а в следующее мгновение... я уже стою около Вовки. И сразу с другой стороны удар тяжелой зверюги о забор!

Собака бросалась на преграду и лаяла. А мы стали звать Вовкиного друга и бросать камешки через забор. Наконец, когда мы разбудили всю округу, дверь садика открылась и женщина спросила:

– Кто там? Вам кого надо?

Вовка радостно закричал:

– Нам Серёгу надо! Мы его друзья!

– А Сергей дежурит завтра. Идите-ка ребята спать, а то я милицию вызову!

И захлопнула дверь.

Удар двери прозвучал, как погребальный колокол! Темнотища, окраина города, морозец и мы стоим, как две дубинушки в пустыне! Хоть вой! Ситуация шла к печальному концу. До утра еще дожить надо! Но даже если сил хватит бродить, все равно милиция подберет подозрительных праздношатающихся парней! Сообщат в деканат, а затем:

– Здравствуй, Красная Армия! Я – твой рядовой!

... Я и Вовка одновременно взглянули на часы. До последнего автобуса в родной городок осталось тридцать семь минут! Но мы уже не думали, а бежали!

Вихрем проскочили по темным закоулкам и вылетели на дорогу. Чуть посветлее, но такая же пустынная тишина. Мы бросились бежать по дороге в город. Дурацкая идея – все равно не успеть. Но дуракам везет. Повезло и нам. Сзади подъехало такси! Шофер проникся ситуацией и успел докатить нас прямо к отъезжающему автобусу!

Ух, успели! Можно было расслабиться! Мы, беспрестанно извиняясь, прошли по салону и сели на последнее сиденье. Согрелись, успокоились и уснули...

Проснулся я от какого-то сопения в ухо. Прислонившись ко мне, сопела и хрюкала во сне какая-то пьяная образина! Я отодвинул пьяного. Но через мгновение его снова привалило ко мне. Моё терпение закончилось быстро. На пятый раз я толкнул этого алкаша так, что он свалился со скамьи! Делать было нечего, пришлось его затаскивать обратно. Пьяный ничуть не растерялся, а уютно улегся и продолжал храпеть. Я же пошел искать свободное место и громко возмущался:

– Напьются и ничего не соображают!

Пассажиры как-то странно посмотрели на меня, но ничего не сказали. Я уселся на свободное сидение, прижался к окну и опять уснул...

Проснулся, мимо мелькали незнакомые столбы, деревья, а сам я, почему-то сидел в автобусе.

– Люди! – вскричал я. – Куда мы едем?

Сердобольная старушка подсказала конечный пункт маршрута. К моему удивлению – это оказался мой родной, «Первый на Урале», городок! Просто чудо какое-то! Я опять успокоился и продремал до приезда на малую родину. Там я бодро пошел на выход, но водитель меня остановил:

– Забирай друга, а не то я его в милицию сдам!

Я, недоумевая, подошел к спящему парню. Ничего в его облике знакомого не было. Но шофер настаивал, что мы с этим пропойцей вошли в автобус, обнявшись, как два лучших товарища. Тут я нашел в проходе пакет с бутылками. Вино было моё, его я сразу вспомнил. Но парня, как, ни присматривался, как, ни вертел, узнать не мог. Наконец, на полу я нашел очки, приладил на морду этого мерзавца, и...

Боже мой, это же было родное, похожее на Швейка, благородное лицо моего закадычного друга Вовки. Просто в темноте и без очков он был не узнаваем! Разбудить я Лютого не смог, но, конечно, не бросил. Ваш рассказчик сумел совершить этот подвиг и «допер» бутылки и друга до его квартиры! Эти дорогие предметы я осторожно положил у двери и позвонил. Как только дверь начала открывать мама Лютого, ваш «герой» трусливо сбежал...

На следующий день, я дождался, когда Вовкина мать уйдет на работу, и позвонил. Конечно, Лютый в институт не поехал и, конечно, он уже меня ждал. Мы с Вовкой весело отпраздновали счастливое окончание вчерашних приключений. А слово «Погрелись!», стало обозначать веселый праздник, закончившийся без тяжелых последствий!

«Погрелись» мы конечно хорошо с Вовкой, но решать вопрос с проживанием как-то все же надо было. И мы его решили! А как решили, смотрите ниже!

Жизнь в бане.

Итак, «не поселение» меня и Вовки Лютого в общагу, свершилось! Можно, конечно, было на один вечерок к сотоварищу забежать. Можно было «погреться» разок-другой. Но постепенно холодало, запахло снегом и нам с Вовкой стало ясно, что надо искать комнату для ночлегов!

В городе всё уже расхватили более шустрые студенты. И мы стали ездить по окраинам. Хозяин одного частного дома сказал:

– Да, есть у меня две комнаты. Но, беда в том, что в одну я уже поселил двух студенток. Поселишь вас в другую комнату и греха не оберешься!

У Лютого загорелись глаза! Но, сглотив слюну, он сказал абсолютно нейтральным голосом:

– Какая же это беда? Что вы! Все мысли у нас об учебе, какой там грех!

– Известно, какой! – вздохнул хозяин, и отказал нам...

По последнему адресу мы поехали с тяжелым чувством. А к деревянному дому просто страшно было подходить. Но, вот чудо, хозяин встретил нас как родных! Мы вздохнули облегченно, отдали деньги и принялись раздеваться. Однако хозяин провел нас в конец огорода и «презентовал» «избушку на курьих ножках»:

– Раньше это банька была. Но я уже три года студентов селю!

На улице стемнело. В сумке были бутылки «за новоселье». Поэтому мы решили зайти и осмотреться. Хозяин быстро растопил печь, сбегал за салом, картошкой, луком и хлебом.

– Ладно! – решили мы с Вовкой. – Переночуем, а завтра поищем другую квартиру.

Но «новоселье» затянуло! За три дня праздника с хозяином и друзьями-студентами, банька стала нам родной! Чего еще лучше искать, когда притаскиваешься вечером после занятий в ополоумелом от учебы состоянии? Свари похлебку, поешь и спи. Вы понимаете, что сами мы думали только об учебе. Вели, как говорят хорошие люди, себя скромно. Но наши друзья сбивали нас с пути истинного! Для них это была экзотика! Это как сейчас бизнесмену съездить на Канары! Так для этих искусителей было съездить к нам в баню! Приедут, притащат вино и закуску, и ведут себя совершенно некультурно. Понятно, что нам с Вовкой приходилось их обучать этике и эстетике! Сервировка стола, культура проведения праздника – всё это приходилось демонстрировать им на собственном примере. Просто из сил мы выбивались, но этих некультурных было больше. Поэтому для окружи всё это выглядело как развесёлые гульбища! Песни и ржание молодых жеребцов разносились далеко по деревне! Гуляли до последнего, и провожать гостей на дежурный автобус уже приходилось бегом!

Но не все уезжали. Сначала Миха пригрелся у нас в бане и категорически отказался возвращаться в общагу. А затем и Сергей, вдруг, появился у нас с сеткой полной бутылок «фруктовича». И он остался! Вчетвером жить стало еще веселее!

Одна беда была! Женский пол категорически не желал даже входить в наши хоромы. Просто панически боялись этой покосившейся избёнки! Я еще понимаю наших подружек городских. Они были воспитаны на классике и читали «На дне». Но чего боялись местные красотки, которые прожили всю жизнь в таких же халупах?

Помню, Вовка приглядел симпатичную соседку. В автобусе он подсел к ней, разговорил, и вышли они уже на нашей остановке добрыми приятелями. Лютый представил мне даму:

– Это Маша. Она согласилась зайти к нам в гости на чай!

Я открыл рот от удивления! Но чуда не свершилось! Когда «просто Мария» стала подходить к нашему «шалашу», шаги её замедлились. А когда Вовка гостеприимно распахнул дверь, Маша закричала:

– Так это вы здесь живете!!!

И убежала с перекошенным от страха ртом! Да и хрен с ней! Весело бывало и без женщин.

Хозяин избушки, несмотря на многолетнюю закалку, стал отказываться от участия в праздниках. Он ссыался на ослабленное здоровье и желание «еще хоть немного пожить». Мы не возражали:

– Раз хочешь – живи скучно!

Но и у нас празднество начало замирать. Ударили морозы и наши друзья затихли, убегая после занятий по теплым домам. Наша же героическая четверка держалась за баньку до последнего! Никакие морозы не могли нас выгнать из родного «На дне». Но следующий удар стихии и мы не выдержали...

Как-то разгулялся сильный ветер и оборвал провода. В кромешной тьме мы пошли в дом к хозяину. Он бродил по темным комнатам, держался за щеку и выл:

– Ой, мочи нет, как зуб болит!

Мы предупредили его, что пересидим по домам родителей, пока не починят электричество, и посоветовали сходить к врачу...

Появились мы в бане через неделю. Свет уже был, но хозяин бродил так же по комнатам, держась за щеку! Оказалось, что к врачу идти он побоялся, но наступил момент, когда боль просто свела его с ума. Он схватил щипцы и вырвал зуб себе сам. Но, когда утихла боль от места вырыва, проявилась боль рядом. И оказалось, что он вырвал здоровый зуб! Пришлось нам успокаивать и лечить мужика бутылкой.

Помогло!

И, как только стихли морозы, так к нам опять зачастили друганы...

Нет, все-таки в этом что-то было! Уютно потрескивала печь, а мы, согревшиеся от нее и вина, вели разговоры и пели песни под гитару. Беда одна была – бутылки быстро заполнили комнату и предбанник. Но мы стали их выставлять на улицу. И решили проблему до весны...

Весна растопила снег и бутылки стали нахально и вызывающе блестеть на солнце. Но недолго. Как только мы сдали сессию, был объявлен «Праздник урожая»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.